

2022

Меркулова
Евгения
Леонидовна

Мастер с далёкой окраины
(эссе)

specialviewportal.ru

ИСКУССТВО
НАУКА И СПОРТ

ОСОБЫЙ
ВЗГЛЯД

ОСОБЫЙ
ВЗГЛЯД

**Всероссийский конкурс литературных работ
людей с нарушением зрения,
посвященный Году культурного наследия
народов России**

Номинация «Эпос»

Всероссийский конкурс литературных работ
людей с нарушением зрения,
посвященный Году культурного наследия народов России

Номинация «Эпос»

Мастер с далёкой окраины

эссе

Автор:
**Меркулова
Евгения Леонидовна**

В наши дни в разговорах друзей и знакомых часто можно услышать: «Сидит у матери на шее, работу найти не может» или «По специальности работы нет, а за копейки не пойду». Безработный будет ныть, клясть время, страну, правительство, но сам не приложит никаких усилий. Именно о необходимости трудиться, совершенствовать мастерство я хочу написать.

Мой отец, Дидук Леонид Трофимович, родился во Владивостоке в семье рабочего Дальзавода. Он был пятым, младшим, братом и шестым ребёнком в семье. Учился в школе № 65 на улице Минёров и закончил четыре класса. Умел читать, писать, считать. «А что ещё пацану нужно?, — думали родители. — Пусть лучше рыбу ловит, дрова соседям колет. Есть все хотят — пора и зарабатывать, а не на шее у отца сидеть да книжки читать».

Отец рассказывал, что, когда он был подростком, в бухте Золотой Рог ловили рыбу: камбалу, краснопёрку, ленков, зимой — навагу. Но особое удовольствие получали, когда косяки корюшки заходили в речку Объявление. За час-полтора можно было наловить целый мешок. Втихаря от матери на улице Спортивной, возле гастронома, частично продать, купить папирос, ну и немного сахара на семью. Рыба тогда была основным продуктом питания и, конечно, дары огорода.

Когда отцу исполнилось восемнадцать лет, он был призван на срочную службу, служили тогда четыре года. Для отца армия растянулась на десять лет: с 1936 по 1946 год. Сперва шесть месяцев учебный отряд, затем Карелия, потом Финская война и Великая Отечественная. С начала Великой Отечественной служил сапёром. По воле случая военного времени сел на место водителя «полуторки» и так, за баранкой, доехал до Берлина и встретил Великую Победу.

В 1946 году вернулся во Владивосток, из пяти братьев один. Получив четыре похоронки, старики сильно сдали. Особенно отец. Работать на заводе уже не могли. Так в ответственности у Леонида остались престарелые родители, тринадцатилетняя племянница и ее семидесятипятилетняя бабушка. Мать племянницы во время войны не стала ждать мужа с фронта: уехала с каким-то военным в Китай. Больше ее никто никогда не видел.

Образования нет, профессии нет — умел Лёнька лишь баранку крутить, вот и пошёл работать шофёром в тот же учебный отряд.

Однажды на выезде с территории Леонид встретился у ворот с новобранцем. Губа разбита, вокруг глаз синие круги — значит, били. Спрашивает: «За что получил?», а матросик вместо ответа заплакал, да так горько. Леонид выехал за ворота части, заглушил мотор и вернулся к пареню: «Так за что? Скажи! Может, помогу». Захлёбываясь слезами, размазывая сопли по лицу, паренёк поведал:

— Потерял бескозырку и на построение пришёл не по форме. Весь взвод был наказан за нарушение дисциплины, а потом они били меня.

— Попробую помочь тебе, парень. У тебя есть старые форменные штаны или бушлат?

— Брюки-то есть, но мне нужна бескозырка, иначе опять бить будут. Старенькие порванные брюки матрос принёс.

— Завтра в семь утра подойдёшь к воротам, — сказал шофёр.

Дома Лёнька распорол брюки, перелицевал ткань, вырезал круг, околыш, стенки. Взял подкладку от старой отцовской куртки. Достал материну старую швейную машинку. Частично на машинке, частично на руках сшил. Получилось немного кособоко, но лучше так, чем никак. Утром, как договаривались, Леонид отдал бескозырку парню.

Прошло несколько дней, опять этот матросик дежурил на воротах. Выпуская машины в город, закричал:

— Дядя, дядя!

Леонид остановился.

— А можешь ещё бескозырку сшить? Мы вам заплатим рубль!

Шофёр улыбнулся:

— Рубль — это хорошо, сошью.

И сшил. И уже не такую кривобокую. Так постепенно Леонид освоил новую профессию — мастер военных головных уборов. Долгое время работал на чердаке «малого» ГУМа или, как тогда его называли, Детского мира. Там шили всю форму для военных. В том числе и головные уборы. Потом отец работал в мастерской на 36-м причале. В небольшом помещении невыносимо пахло мокрой шерстью, табаком и казеиновым клеем, который варили на электрической плитке, помешивая деревянной палкой. Когда мы приходили к отцу на работу, он нас тут же выгонял на улицу, чтобы не дышали этим смрадом.

Время шло, мастерство совершенствовалось, и отец стал известным в городе мастером головных уборов.

Хорошо помню такой случай: было мне лет тринадцать. Тогда мои родители не оставили надежду исцелить меня от слепоты — возили по всей России к великим лекарям. Так мы попали в Ленинград к светилу неврологии, профессору Трону. Отец тщательно собирался в поездку и кое-что взял с собой — у него были свои планы. Как-то вечером решил прогуляться и меня взял. Где-то на Литейном мы зашли в мастерскую по пошиву военных головных уборов. Там был тот же запах, что и у отца в мастерской на 36-м причале: клей, сырая шерсть и табак. Папа посадил меня на стул, а сам начал разглядывать витрину. Долго молча стоял, потом взял в руки белую старенькую фуражку. Мастер из-за конторки проворчал:

— Не продаётся.

Но отец не повесил фуражку на место, а стал легонько приминать по кругу. Мастер из-за конторки чуть громче:

— Мужик, ты что, не понял? Не продаётся!

— Да я не покупаю: проверяю качество.

И ещё сильнее начал приминать фуражку. Мастер вышел из-за конторки, выхватил фуражку и заорал:

— Да эту фуражку носил сам адмирал Кузнецов лет десять! Это ж не фуражка, а легенда! Десять лет быть в обиходе и еще украшать мою витрину. Ты знаешь, кто её сшил? Старый дед Леонид в городе сопок, туманов и солёной воды. Ты, небось, и города такого не слышал?

Отец посмотрел в зеркало: «Да, лысый, да, весь в морщинах, но всё равно ещё не дед. Хотя для матросиков, что бегают за бескозырками...»..

— И всё-таки это моя фуражка, давай поспорим на бутылку армянского коньяка «Пять звёзд».

— Ты сначала сходи купи коньяк, а потом будем разговаривать.

Отец достал из сумки бутылку коньяка, мастер опешил:

— И как ты докажешь, что это твоя фуражка? Что это ты сшил её?

— Подпори подкладку. Круг пришит нитками десятым номером, серого цвета, у меня тогда не было белых ниток, а картон белыми тридцатым номером.

Мастер нехотя взял нож и также нехотя стал подпарывать подкладку, боялся испортить фуражку, но спор есть спор. И сразу увидел, что, действительно, круг пришит серыми нитками десятым номером, а картон белыми тридцаткой.

Коньяк тут же был выпит.

— Отец, ты все-таки выбрось эту старую грязную фуражку, не позорь мою седую лысину.

И достал из сумки сразу две фуражки: чёрную форменную и белую парадную. Мастер удивлённо раскрыл глаза, дрожащими руками взял сразу обе, долго рассматривал, а потом сказал:

— Так ты и правда дед Леонид из Владивостока?

— Правда, правда.

— Продашь? Сколько?

— Вешай на витрину. Только этот позор десятилетней давности убери!

Отец ещё долго рассказывал про Владивосток, а мастер всё разглядывал фуражки, удивляясь мастерству.

— А как же ты один обшиваешь весь Тихоокеанский флот? — спросил мастер.

— Да почему же один? В городе две мастерских по пошиву одежды для военных, а я так, для тех, кто хочет покрасивее. И вообще, я не один, у меня жена и три дочери.

— И все такие? — мастер показал на меня.

— Нет, старшие зрячие, но помогают все. Они же девки, а этим бабам всегда что-то надо: платица, туфельки, сумочки, чулочки. Дочка, хочешь обновку? Работай.

Это я тоже хорошо помню, приедешь из школы на выходные домой, хочется полениться или куда-нибудь в гости, а тебе: «Сначала

вот это сделай — вшей пять сталеков в бескозырку». Мама втянет нитки в иголку и сидишь шьёшь. Но особенно я не любила утюжить средний кант. На ребре треугольной колодки была сделана бороздка: в неё укладывался кант, и с другой стороны разглаживали шов. Шов плохо разъединялся, утюг тяжёлый, старый, через двадцать минут рука от тяжести уставала. Одним словом — тоска, но выбора нет. Помощь семье — без обсуждений.

Сам отец работал с самого утра до поздних сумерек. Подъем в шесть. стакан кофе — и за работу. До девяти часов утра чертил, кроил. За машинку не садился, чтобы не тревожить стуком соседей, а уж после девяти шил, шил, шил... Он, инвалид второй группы, обеспечивал всю семью. По состоянию здоровья почти не выходил на улицу, но ремесло своё не оставлял.

Помогали отцу все, а вот мастерство не перенял никто. Не получалось так, как у отца, да и желания особого не было, устали, слишком это кропотливая и трудоёмкая работа.

После смерти отца долго ещё ходили матросики и просили сшить бескозырку, мама отказывала, весь расходный материал: машинки, колодки, — отдала. И говорила:

— Больше за машинку не сяду! Устала.

Давно уже нет отца. Речку Обьяснение заковали в бетон, в бухте Золотой Рог больше кораблей и катеров, чем рыбы.

Но осталась легенда о мастере...